

Принцип непосредственности и неуловимые обстоятельства

Памяти

Аллы Константиновны Сергун

**Елена Геннадиевна
СТРЕЛЬЦОВА,**
кандидат юридических
наук,
доцент кафедры
гражданского и
административного
судопроизводства
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
1717telena@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы непосредственного познания судом обстоятельств дела. Предложены аргументы для решения вопроса о процессуальных ограничениях суда в познании фактов непосредственно. Также предложено внести изменения в ст. 157 ГПК РФ, ст. 10 АПК РФ, закрепив право суда устанавливать факты путем их непосредственного познания.

В статье также обсуждается вопрос, могут ли неуловимые обстоятельства иметь процессуальное значение при формировании внутреннего судебского убеждения. Обращение к новейшим технологическим решениям может предоставить такую возможность. Использование IT в этом направлении выводит из темной зоны судебское убеждение, преобразуя неуловимую внутреннюю убежденность в доказательственные факты, которыми судья может мотивировать свое доверие или недоверие свидетелю, стороне, третьему лицу.
Ключевые слова: принцип непосредственности, судебное познание, доказывание, искомые факты, неуловимые обстоятельства, доказательства, программа распознавания эмоций.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.88.120-127

E. G. STRELTSOVA,

Cand. Sci. (Law),

Associate Professor at the Department of Civil
and Administrative Judicial Proceedings
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

1717telena@mail.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Principle of Immediacy and Elusive Circumstances

Abstract. The article discusses the problems of direct cognition by the court of the circumstances of the case. Arguments are proposed for solving the issue of procedural limitations of the court in the knowledge of facts directly. It was also proposed to amend Art. 157 CCP, Art. 10 of the CAP, securing the right of the court to establish facts through their direct knowledge.

The article also discusses the question of whether elusive circumstances can have a procedural significance in the formation of an internal judicial conviction. Turning to the latest technological solutions may present such an

opportunity. The use of IT in this direction brings the judicial conviction out of the dark zone, turning the elusive inner conviction into evidentiary facts, with which the judge can justify his trust or distrust of a witness, a party, or a third party.

Keywords: principle of immediacy, forensic knowledge, proof, sought-for facts, elusive circumstances, evidence, emotion recognition program.

Алла Константиновна Сергун считала принцип непосредственности одной из главных гарантий установления объективной истины. Касалось это не только правовых вопросов, но и тех жизненных ситуаций, которые обсуждались с ней и в которых личное ознакомление с той или иной информацией существенно меняло первоначальные выводы. Тогда Алла Константиновна восклицала: «Вот вам и принцип непосредственности!». И часто вспоминала случай, когда она, будучи народным заседателем (в советский период преподавателей ВЮЗИ привлекали к исполнению этой обязанности), в составе суда рассматривала дело об установлении отцовства. Истцом являлся отец ребенка, не состоявший в браке с его матерью, а ребенку на момент предъявления иска было года три-четыре. Чтобы доказать происхождение ребенка, истец принес в зал суда свою фотографию и фотографию ребенка в одном и том же возрасте. Алла Константиновна рассказывала, что у всего состава суда не возникло никаких сомнений, что это отец и сын, она говорила, что это было одно и то же лицо, просто один ребенок был на фотографии 30-летней давности, а другой — на современной. Тот иск суд удовлетворил.

Много позже, в учебнике гражданского процессуального права 2004 г., профессор А. К. Сергун вновь подтвердит свою позицию о значении непосредственного познания судом обстоятельств дела. В учебнике ставится вопрос о том, является ли доказывание единственным путем судебного установления фактов. Основываясь на примере, введенным в научный оборот С. В. Курялевым, А. К. Сергун отмечала, что «в отдельных, очень редких случаях юридические факты по делу могут восприниматься судом непосредственно, без доказательств»¹.

Это короткое, почти мимоходное замечание в учебнике тем не менее очень важно. Современная практика ставит два крайне сложных вопроса, связанных с непосредственным познанием судом фактов, имеющих значение для дела².

Первый: каковы процессуальные ограничения для суда в познании фактов непосредственно?

Второй: могут ли неуловимые обстоятельства иметь процессуальное значение при формировании внутреннего судебского убеждения при непосредственном исследовании доказательств или непосредственном восприятии фактов?

¹ Гражданское процессуальное право : учебник / С. А. Алёхина, В. В. Блажеев [и др.] ; под ред. М. С. Шакарян. М. : Велби ; Проспект, 2004. С. 167 (автор главы — А. К. Сергун).

² Наличие проблемы в этой сфере доказывания отмечал, например, В. В. Аргунов в своем выступлении «Поведение заявителя (заинтересованных лиц) в особом производстве и судебное познание» на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики — 2021» (ЮФУ, 12.11.2021).

Решение первого вопроса теоретически было обосновано С. В. Курылевым. Он аргументировал необходимость двух форм судебного познания: опосредованной (через доказательства) и непосредственной. С. В. Курылев обосновал следующие условия, при которых применимо непосредственное судебное познание:

- допустимо в отношении фактов-состояний и фактов-явлений;
- предметом познания служат явления (добавим: и состояния) в их конкретно-чувственной индивидуальности, происходящие в настоящем времени;
- оно позволяет получить знания лишь о внешних, доступных восприятию сторонах предметов и явлений действительности³.

И действительно, если анализировать небогатую в этом отношении судебную практику, то случаи, когда суд прибегает к непосредственному познанию, полностью соответствуют всем вышеперечисленным условиям.

Например, в деле об установлении сервитута судом был осуществлен выезд на место и осмотрены земельные участки по месту их нахождения, было установлено, что существуют альтернативные пути, пригодные для проезда и прохода к земельному участку истцов, в частности по лесным дорогам, имеющим покрытие и используемым не только истцами, но и третьими лицами. Возможность использования данных земельных участков для проезда к участку истцов была подтверждена представителем Департамента лесного комплекса⁴.

В отношении этого примера могут возразить, что суду по ходатайству заинтересованной стороны следовало истребовать письменное заключение Департамента лесного комплекса о всех вариантах проезда к спорному участку и основывать свои выводы на письменном доказательстве, а не на личном восприятии. Контрапротиваргументом может служить довод о том, что осмотр, проведенный судом, был оперативнее, привел к более быстрому разрешению дела, а выезд на место сторон и суда позволил суду в присутствии сторон не просто самостоятельно увидеть пути подъезда, но и убедиться, что этими дорогами пользуются третья лица, а это фактически исключает дальнейшее оспаривание факта возможности использования для проезда к участку определенных дорог.

В личной практике автора статьи было гражданское дело, где требовалось установить факт непроживания ответчика в доме, принадлежащем истцу. Ответчиком были привлечены несколько свидетелей, давших в суде показания о том, что они регулярно приходят к ответчику в гости, звонят ему по стационарному городскому телефону и т.д. За несколько месяцев до судебного процесса третья лица направили письмо и посыпку ответчику по адресу дома, которые были получены ответчиком на почте; представитель ответчика представил эти сведения в качестве доказательственного факта проживания ответчика в доме. Тогда в судебном заседании представителем истца был задан ответчику вопрос, когда он последний раз был в доме, на что тот ответил, что уходил из него утром текущего дня.

Немедленно представителем истца было заявлено ходатайство об осмотре на месте и ходатайство о том, чтобы сторонам спора и свидетелям было

³ Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии // Избранные труды. Минск, 2012. С. 306—319.

⁴ Кассационное определение Тюменского областного суда от 06.12.2010 по делу № 33-5270/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

предложено нарисовать план дома с расстановкой мебели, а также указать иные характерные признаки помещений (цвет стен, цветные стекла окон и пр.). Суд удовлетворил оба ходатайства, в течение получаса участниками процесса в судебном заседании были составлены планы дома с указанными деталями, после чего суд с участниками процесса выехали на место. При сравнении планов, составленных ответчиком и свидетелями с его стороны с реальным интерьером дома стала очевидна ложь ответчика, фактически не проживавшего в доме несколько лет. Если бы суд не выехал на место, установление недостоверности информации, сообщаемой стороной ответчика суду, было бы практически невозможно.

Однако в современной судебной практике такого рода дела являются, как правило, исключением, и суды, боясь «бездоказательности» своих выводов⁵, избегают непосредственного познания фактов. Как правило, суды отказывают в удовлетворении ходатайств в осмотре на месте, буквально толкуя содержание ст. 58 ГПК, ст. 78 АПК. Так, в судебном споре об установлении сервитута и определении границ участка, признавая отклонение ходатайства истца судом первой инстанции законным⁶, суд апелляционной инстанции указал, что «нормы ГПК не предусматривают такое процессуальное действие, как выход суда на место, а предусмотренных ст. 58 ГПК РФ оснований для осмотра и исследования доказательств по месту их нахождения не имелось».

Аналогичной позиции придерживаются и арбитражные суды, полагая, что «ходатайство об осмотре и исследовании доказательств подлежит отклонению, так как согласно ч. 1 ст. 78 АПК РФ суд может провести осмотр и исследование письменных и вещественных доказательств по месту их нахождения в случае невозможности или затруднительности доставки в суд; осмотр и исследование доказательств по месту их нахождения является правом суда, а не обязанностью»⁷.

В связи с этим можно дополнить первоначально поставленный в этой статье вопрос следующим уточнением: есть ли дела, в которых суд обязан познавать факты непосредственно? Такая постановка вопроса необходима для того, чтобы дополнительно гарантировать права заинтересованных лиц, прибегающих к обоснованию своей позиции через обращение к непосредственному восприятию судом определенных фактов.

Так, в деле о взыскании задолженности по договору за выполненные проектные, строительно-монтажные и иные работы по подключению клиентов к сети связи истец в суде первой инстанции смог представить лишь письменные доказательства, оформленные с нарушением правил, установленных в договоре. Суд

⁵ Критику этого взгляда см.: Курылев С. В. Указ. соч. С. 314—318.

⁶ «Указание в жалобе на то, что суд первой инстанции необоснованно отказал стороне в удовлетворении ходатайства о выходе на место, чем лишил истца возможности предоставления доказательств в обоснование требований, не основано на нормах ГПК РФ» (апелляционное определение Челябинского областного суда от 03.03.2016 № 11-3529/2016 // СПС «КонсультантПлюс»).

⁷ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.10.2020 № 09АП-45725/2020 по делу № А40-95105/2019 ; постановление ФАС Дальневосточного округа от 19.07.2011 № Ф03-3124/2011 по делу № А24-4004/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

отказал в иске, сославшись на отсутствие доказательств выполнения спорных работ в установленном договорами порядке.

В суде апелляционной инстанции истец заявил ходатайство об осмотре на месте с целью подтверждения фактического выполнения работ; суд в удовлетворении ходатайства отказал, сославшись на то, что осмотр и исследование доказательств по месту их нахождения является правом суда, а не обязанностью и в рассматриваемом случае, исходя из конкретных обстоятельств, необходимость выезда суда на место отсутствует, факт выполнения работ по спорным договорам может и должен быть подтвержден иными доказательствами⁸.

Не касаясь обсуждения вопроса о том, была ли перспектива по удовлетворению такого ходатайства, впервые заявленного в суде апелляционной инстанции (этот вопрос судом апелляционной инстанции не оценивался), возьмем данный пример, предположив, что ходатайство было бы заявлено в суде первой инстанции. Допустим ли в этом случае отказ суда в непосредственном познании фактов?

Суд сослался на то, что истец не предоставил необходимые письменные документы; однако ГК РФ в этой части не устанавливает требований подтверждения фактов, имеющих значение для дела, определенными доказательствами. Действительно, в ст. 753 ГК РФ и п. 8 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.01.2000 № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда»⁹ указывается, что основанием для возникновения обязательства заказчика по оплате выполненных работ является сдача результата работ заказчику, в том числе предусматривается возможность составления одностороннего акта в целях защиты интересов подрядчика. Однако отсутствие определенных доказательств в случаях, когда законом прямо не запрещено подтверждение фактов другими доказательствами, не может быть основанием и для отказа суда в удовлетворении ходатайства о познании факта. В противном случае сторона лишается возможности подтвердить факт объективной реальности, действительно существующий на момент рассмотрения дела.

А. К. Сергун справедливо отмечала, что процессуальное значение правил допустимости в конечном счете сводится к тому, чтобы обеспечить процесс наиболее полными и надежными доказательствами¹⁰. В приведенных выше примерах (как и в примере, приводимом С. В. Курылевым¹¹) возможность суда непосредственно убедиться в существовании определенного факта гораздо более соответствует задаче установления действительных обстоятельств, чем опровергнутое установление факта по неоднозначным доказательствам (показания свидетелей; письменное доказательство, составленное только одной стороной правоотношений и пр.).

Поэтому единственными критериями, которыми следует руководствоваться суду, устанавливая факты путем их непосредственного познания, должны быть относимость факта и возможность его установления путем непосредственного

⁸ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.10.2020 № 09АП-45725/2020 по делу № А40-95105/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2000. № 3.

¹⁰ Гражданское процессуальное право. С. 177.

¹¹ Курылев С. В. Указ. соч. С. 317—318.

познания (т.е. отсутствие указания закона на подтверждение факта определенным доказательством), а также соответствие фактов, подлежащих судебному познанию, критериям, предложенным С. В. Курылевым.

Учитывая практические препятствия, которые возникают при заявлении ходатайств, связанных с познанием судом фактов-явлений и фактов-состояний, следует также рассмотреть вопрос о внесении изменений в процессуальные кодексы, предусмотрев, во-первых, в ст. 157 ГПК, ст. 10 АПК право суда устанавливать факты путем их непосредственного познания; во-вторых, установив порядок рассмотрения ходатайств о непосредственном познании судом фактов, а также порядок совершения этого процессуального действия, который ничем не будет отличаться от осмотра на месте.

Второй вопрос, тесно связанный с принципом непосредственности, — неуловимые обстоятельства. Могут ли они иметь процессуальное значение в ходе формирования внутреннего судейского убеждения при непосредственном исследовании доказательств или непосредственном восприятии фактов? Как следствие, становится важным вопрос защиты интересов сторон при формировании убеждения суда посредством неуловимых обстоятельств. Ведь непосредственно судом воспринимаются все факты: и доказываемые, и познаваемые. То, что объективизируется в мотивированной части судебного решения, формируется на уровне судейского убеждения, в ходе непосредственного восприятия фактов и доказательств.

Закон, безусловно, предписывает, что внутреннее убеждение должно формироваться на основании всестороннего, полного, объективного и непосредственного исследования имеющихся в деле доказательств (ч. 1 ст. 67 ГПК, ч. 1 ст. 71 АПК). Но это предписание закона касается внешних условий их исследования, однако никак не регламентирует (да и не может регламентировать) то, каким образом восприятие этих доказательства преображается в мыслях судьи в убеждение.

Например, С. В. Курылев предлагал считать субъективным критерием, определяющим достаточность доказательств, субъективное убеждение суда об отсутствии иной версии, вместо устанавливаемой данным доказательством¹². Если расширить этот подход, то сходным образом будет формироваться и судейское убеждение в достоверности доказательств: у суда должны отсутствовать обоснованные предположения об иных вариантах формирования исследуемого доказательства как отпечатка факта реальной действительности.

Особое значение судейское убеждение приобретает в оценке недостаточных доказательств (по терминологии С. В. Курылева), к числу которых прежде всего относятся показания и объяснения заинтересованных лиц: третьих лиц, фактически заинтересованных свидетелей и пр. Это доказательства, в отношении которых у суда не может быть сформировано убеждение об отсутствии иных версий, доказательства, занимающие промежуточное положение на шкале доказанности. При этом С. В. Курылев замечал, что недостаточность доказательств часто является результатом недостаточности их исследования¹³.

А. К. Сергун подчеркивала специфичность показаний свидетеля как источника доказательств, указывая на то, что недостоверность свидетельских показаний

¹² Курылев С. В. Указ. соч. С. 466.

¹³ Курылев С. В. Указ. соч. С. 468—469.

возможна даже при самом добросовестном отношении свидетеля к своим обязанностям и может быть вызвана в том числе ошибкой восприятия¹⁴. Замечу, что в действительности речь идет о двойном восприятии: фактов — со стороны свидетеля и показаний — со стороны суда, а потому риск ошибки восприятия в исследовании такого рода доказательств кратно увеличивается.

Специфика свидетельских показаний и объяснений сторон как доказательств заключается в том, что при отсутствии иных доказательств, что нередко случается в рядовых гражданско-правовых спорах, они никак иначе не могут быть дополнительно исследованы. Повторный допрос не приносит результата, если показания первого и повторного допроса совпадают. Но также возможны и иные варианты: например, различия в показаниях первого и второго допроса могут быть объяснены не злонамеренностью поведения, а спецификой памяти человека.

В такой ситуации суды нередко принимают недостаточные доказательства, закрывая свой вероятностный вывод формулировками «у суда нет оснований сомневаться в достоверности свидетельских показаний»¹⁵. И наоборот, не имея возможности перепроверить свидетельские показания, иногда суды указывают, что «показания одного свидетеля при отсутствии совокупности иных доказательств, в том числе письменных, с учетом обстоятельств дела не могут служить надлежащим доказательством факта»¹⁶. И тот, и другой варианты, конечно, ошибочны: первый является вероятностным решением, второй представляет собой вариант формальной оценки доказательств¹⁷.

Поведение лица, его манеры, особенности речи, мимики — это то, что в сумме создает впечатление о человеке. Но одновременно это впечатление формируется сквозь призму культурных особенностей, привычек, темперамента воспринимающего лица. Можно для наглядности взять не микрожест, а более длительное внешнее проявление. Например, то, что свидетель не смотрит в лицо судьи при даче показаний, можно истолковать по-разному: как робость, как ярость, как культурный запрет, как боязнь быть пойманным на лжи и т.д. Именно сквозь призму этого сложносформированного впечатления суд будет потом оценивать сведения о фактах, сообщенные лицом, участвующим в деле, свидетелем и даже экспертом.

¹⁴ Гражданское процессуальное право. С. 187.

¹⁵ Другие примеры: «Основания считать показания свидетеля недостоверными по причине служебной зависимости отсутствуют» (постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19.03.2021 № Ф07-73/2021 по делу № А26-4895/2020 // СПС «КонсультантПлюс»); «Показания допрошенного свидетеля согласуются с другими имеющимися в материалах дела доказательствами. Оснований не доверять показаниям свидетеля у суда не имелось. Судебная коллегия также не находит оснований для признания показаний свидетеля недостоверными» (апелляционное определение Пензенского областного суда от 26.04.2016 по делу № 33-1356/2016 // СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁶ Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 13.12.2017 по делу № 33-9255/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ С. В. Курылев отмечал такую же проблему в своей работе в 60-е гг. XX в. (см.: Курылев С. В. Указ. соч. С. 468—471). Стабильность этой проблемы демонстрирует ее явную актуальность.

В 2018 г. была опробована программа распознавания основных человеческих эмоций в ходе судебного заседания DARE¹⁸, фиксирующего пять различных микровыражений, связанных с ложью (нахмуренные брови, приподнятые брови, приподнятые уголки губ, выпяченные губы и поворот головы набок), а также изменение модальности голоса¹⁹.

Использование информационных технологий в этом направлении выводит из темной зоны судейское убеждение, превращая неуловимую внутреннюю убежденность в конкретные факты (доказательственные факты), которыми судья может мотивировать свое доверие/недоверие свидетелю, стороне, третьему лицу. Одновременно оценка, данная программой тому или иному поведению лица, будучи преобразованной в конкретный вывод, дает возможность этому лицу оспорить его, аргументировать свое согласие или несогласие с ним. То есть лицо получает возможность аргументированно возражать против тех доводов, которые формируют судейское убеждение, но которые ранее были неуловимы.

Безусловно, одних мимических данных для таких программ явно недостаточно. Они должны учитывать весь спектр условий, формирующих те или иные микроявления, поведение и т.д. То есть должны учитываться культурные особенности, возраст, болезни и пр.

Однако сама цель — объективизировать непосредственное восприятие суда, препарировать его, выделить составляющие в виде конкретных фактов (доказательственных фактов), на которые можно аргументированно сослаться либо по которым можно аргументированно возразить — это как раз то, что в ситуациях, когда иные доказательства отсутствуют, сделает возможным исследование доказательств, и прежде всего недостаточных доказательств по поводу их достоверности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гражданское процессуальное право : учебник / С. А. Алёхина, В. В. Блажеев [и др.] ; под ред. М. С. Шакарян. — М. : Велби ; Проспект, 2004.
2. Курылев С. В. Избранные труды. — Минск, 2012.
3. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы. — М. : Инфотропик Медиа, 2022.

¹⁸ URL: <https://arxiv.org/abs/1712.04415> (дата обращения: 15.12.2021).

¹⁹ Подробнее об этом см.: Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы. М. : Ифотропик Медиа, 2022. Гл. 6 (автор главы — И. И. Черных).

